

ХИМИКИ И ЛИРИКИ

Программу «Счастливый случай» смотрят очень и очень многие. Потому что это как раз то, что всем возрастам покорно. Что касается КВН, то просто трудно найти человека, который бы не знал этой передачи.

А мой собеседник Михаил Марфин имеет отношение к обоим этим программам, являясь ведущим одной и редактором другой.

— По образованию вы химик. А что толкнуло вас уйти из такой серьезной области?..

— В такую несерьезную? Я действительно окончил МХТИ, а потом еще и аспирантуру, защитился и до конца 1989 года работал в этом институте. И первые четыре месяца, когда уже начал вести «Счастливый случай», с химией еще не распрощался и вполне допускал такой момент, что не распрощаюсь вовсе. А по поводу «несерьезной области», то здесь вы, ей-Богу, ошибаетесь. Свою нынешнюю работу — и как ведущего «Счастливого случая», и как редактора КВН — я менее всего считаю несерьезной. Ведь оставаясь за кулисами КВН, я занимаюсь не только элементарной редакторской работой и заказом сценариев, но еще и какой-то педагогической работой с новыми командами, руководжу их отбором.

— А по каким критериям?

— Прежде всего мы смотрим на профессиональные качества — литературные, актерские. И на потенциал команды. Потому что все они начинают играть в домашних, региональных первенствах. А в наши задачи входит судить о готовности команд выступать перед телезрителями первого канала. Ведь существует огромная дистанция между восторгом зрителей в региональных играх и снисходительным одобрением публики здесь, во Дворце молодежи.

— Вы играли в КВН в то время, когда он только возродился. Чувствуется разница между тем, что было, и тем, что существует сейчас?

— Безусловно. Нынешний КВН так же отличается от того, в который играли мы, как наш — от самых первых игр, когда КВН был еще Вечером веселых вопросов. Но наш КВН был все же классичен, и сейчас он может восприниматься только с точки зрения истории. Теперь все другое — юмор, темп. Это веяние времени: меняется сам характер восприятия зрителями экранного зрелища. И это зрелище эпохи видеоклипов, компьютерной графики не может не отличаться от того, что было раньше. И, несмотря на то, что сейчас стало меньше импровизационных конкурсов, а больше домашних заготовок, в КВН сегодня играть труднее. Раньше в качестве темы можно было взять любую информацию с первой полосы газеты, и это было интересно всем. А сейчас это почти невозможно, поэтому КВН уходит больше в личностную область.

— А какую роль вы играли в создании «Счастливого случая»?

— Абсолютно никакой. Почему-то среди зрителей бытует глубокое убеждение, что если человек ведет передачу, он ее делает. Ничего подобного, «Счастливый случай» делаю не я. Там есть автор, продюсер, редактор, режиссер. А вообще поначалу эта программа была советско-английской. Создана она была английской фирмой, имеющей авторское право на выпуск игры «Тривиал Персыют» — страшно популярной в мире. И сама викторина была поначалу рекламной этой игры. Но с ее выпуском у нас ничего не получилось, поскольку англоязычные так и не нашли у нас подходящей полиграфической базы, соответствующей их критериям качества. Сейчас от «Тривиал Персыют» осталась только первоначальная идея — фундамент, давно занесенный песком.

— Век телевизионных передач недолог. Сколько, по-вашему, может еще просуществовать «Счастливый случай»?

— Никто ни от чего не застрахован. Срок жизни программы зависит прежде всего от людей, которые ее делают, от первоначальной идеи и от изменений менталитета телезрителей. Игра, послужившая основой для «Поля чудес», идет в Америке уже двадцать лет. И будет идти еще сто, потому что в ее основе — гениальная идея.

— В основе «Счастливого случая» тоже гениальная идея?

— Да, неплохая. Там есть один секрет. Вот если бы вы стали придумывать викторину, то по какому критерию подбирали бы вопросы? Наверное, по одинаковой степени сложности. Так вот, авторы «Тривиал Персыют» — канадские безработные ребята, придумывая на кухне эту игру, решили, что это совсем не обязательное условие. Вопросы должны быть разной степени сложности, и тогда взрослым будет интересно отвечать на трудные вопросы, а детям будет приятно, что что-то угадали и они. Подобная идея заложена в «Счастливом случае», поэтому это игра для тех, кому от семи до семидесяти.

— А вы действительно такой эрудит, каким кажетесь с экрана, или же все вопросы и ответы — это данный вам текст?

— Конечно, я обладаю некоторой эрудицией, которая связана с большим количеством образования, причем

технического, дающего определенный взгляд на вещи. Умение анализировать помогает мне даже при создании эстрадных шоу — по большому счету это все равно, что решить уравнение. Но, конечно, я и близко не могу себя поставить с теми людьми, которые играют в «Счастливый случай». Ведь гораздо легче говорить «правильно — неправильно», чем самому отвечать. Хотя когда я зараннее просматриваю вопросы, то всегда стараюсь найти на них ответ. А если не нахожу, то залезаю в энциклопедию или расспрашиваю, но в любом случае стараюсь знать чуть больше, чем написано в ответе.

Кстати, по поводу моей эрудиции могу рассказать одну байку. Однажды — волею того же «Счастливого случая» — я оказался во Франции и наконец-то воплотил свою детскую мечту посетить музей Дарсе. Я по нему хожу, смотрю на своих любимых импрессионистов, и вдруг ко мне подходит какая-то тетка и обращается на чистом русском языке: «Я знаю, что вы такой эрудированный человек. Вы не могли бы мне помочь в одном вопросе? Я тут увидела мебель, которая в конце XIX века делалась на фабрике Шюфнера. Но у меня такое ощущение, что аналогичная мебель выпускалась у нас в России гораздо раньше. Вы не помните?». Не помню, покраснел я или побелел, но это было настолько неожиданно, что я даже не смог с достаточным юмором ответить и смог сказать только, что слухи о моей эрудиции оказались сильно преувеличенными, никакого Шюфнера я не знаю и мебель воспринимаю на уровне табуретки.

— А вы не могли бы вспомнить наиболее запомнившуюся вам команду, игравшую в «Счастливый случай»?

— У нас была совершенно потрясающая женщина, которая просто убила всех своей эрудицией. Однажды во время записи Ширвиндт как гость программы задает ей вопрос: «Кто по первому образованию жена Державина?». Она говорит: «Вы знаете, я затрудняюсь ответить, хотя прекрасно помню, что жена Державина — это Роксана Бабаян». Ширвиндт говорит, что так неудобно получилось, что жена Державина по первому образованию архитектор, и я предлагаю все это для телеэфира переписать, чтобы вышло так, что наша участница знает ответ на вопрос. Включается камера, Ширвиндт задает свой вопрос, а ответ, который на него последовал, потряс нас всех: «Теперь я вспомнила, что Роксана Бабаян — архитектор по первой профессии. Да и кем же ей быть, если она окончила Ташкентский политехнический институт по специальности архитектура, и об этом должен помнить каждый, кто прочитал интервью с Державиным в двенадцатом номере «Огонька» за 1979 год». Вот такая потрясающая женщина...

— Михаил, а для вашей жизни характерны были счастливые случаи?

— Конечно. В свое время был КВН, и если бы я в свое время не сыграл в него, не был бы я сейчас его редактором. Наверное, если бы в 1989 году мы не приехали в сельский клуб с шефским концертом «А ну-ка, девушки!», режиссером которого был В. С. Акопов — первый режиссер «Счастливого случая», то меня вряд ли пригласили бы вести эту программу. Хотя... у меня был один друг, который любил такую фразу: «Если долго ломиться в одну и ту же дверь, то рано или поздно в нее упадешь». Так что все равно я как-то, наверное, прибилсь бы к той области, в которой сейчас работаю.

Беседовала
Лариса ХАВКИНА
Дружеский шарж Алексея Юрша

Михаил Марфин:

«Слухи о моей эрудиции сильно преувеличены»

Вег. Москва — 1994. — 21 окт. — 0.5.

